

УДК 39(=512.31)

DOI <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2018.26.108>

К истории кузнечного культа рода галзут в составе бурятского племени хори

Н. Б. Дашиева

Восточно-Сибирский государственный институт культуры, г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация. В результате анализа обычаев традиционного бурятского общества установлено, что кузнечное дело как наследственная деятельность избранного небесными божествами рода является одним из важных источников в решении вопросов этно- и культурогенеза как отдельных родовых образований, так и племени в целом. Сравнительное исследование кузнечного культа рода галзут в составе бурятского племени хори с киргизами выявило существование общего тотемического культа, одинаковое отношение к кузнецу, сакрализацию кузни и кузнечных инструментов, общность в обрядах почитания божества кузни и лексическую близость в названии всех кузнечных терминов. Исследование показывает этнокультурные связи кузнечного хоринского рода галзут с средневековыми киргизами Енисея, относящегося к домонгольскому периоду истории Прибайкалья.

Ключевые слова: род, племя, кузнечество, тотем, этногонический миф, историческое предание, обряд, этногенез, культурогенез.

Для цитирования: Дашиева Н. Б. К истории кузнечного культа рода галзут в составе бурятского племени хори // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2018. Т. 26. С. 108–124. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2018.26.108>

Введение

При изучении вопросов этногенеза и этнической истории племен и народов внимание специалистов привлекает история становления металлургии железа и отношение в обществе к кузнечеству как наиболее достоверному источнику, поддающемуся точной датировке. В этой связи следует отметить, что имеющиеся в письменных источниках и литературе сведения о происхождении и истории кузнечного рода галзут в составе самого многочисленного бурятского племени хори недостаточны для его полного анализа. Сложность возникает и при определении места этого рода в структуре племени.

Задачей настоящей статьи представляется исследование этнических и культурных связей галзутов с историческими народами Предбайкалья, известными по текстам письменных источников как носители технологии изготовления высококачественного железа. Исследование основано на материалах этнографии и фольклора бурят, монголов и тюркских народов, проживавших в прошлом на сопредельных с Прибайкальем территориях. При обращении к фольклорным материалам в качестве методологической основы исследования мы руководствуемся указанием Ю. В. Кнорозова, что легендарная история племени отражает не столько реальные исторические события, сколько идеологические установки, также бывшие реальным историческим фактом, требующим не опровержения, а объяснения [Кнорозов, 1999, с. 210].

Этногонический миф племени хори

Современная территория расселения хоринских бурят охватывает большую часть Республики Бурятия, Забайкальского края, отдельные группы его родовых ответвлений проживают в Иркутской области, на территории КНР и в Республике Монголия. Этнические связи с хоринскими бурятами имеют хоролары Якутии.

Этногонический миф племени, существующий в нескольких вариантах, отличающихся лишь небольшими деталями, встречу прародителей племени – молодого охотника Хоредоя и девы-лебедицы Хобоши-хатан – возводит к трем разным территориям. Первая – местность у трех озер на Лене, которая и в настоящее время существует под названием Садамтын сагаан нур, вторая – северный берег Байкала и третья – остров Ольхон. Одинаково во всех сюжетах передается, как Хоредой, спрятав лебяжьи одежды одной из купавшихся небесных дев, женился на ней. По сюжету первого мифа, по причине отсутствия в течение трех лет детей, молодая пара переселяется на южный берег Байкала. Во всех сюжетах у Байкала у них родилось одиннадцать сыновей, которые стали родоначальниками одиннадцати хоринских родов. Затем одинаково описывается, как жена, выпросив у мужа свои лебяжьи одежды, вновь превращается в птицу и улетает на небо через дымник юрты, откуда светило солнце. Здесь делается уточнение, что старик Хоредой в это время в железном котле на огне очага гнал молочную водку (тарасун).

Улетая мать-лебедь, кружа над юртой, благословила свою семью: «Вы земные жители, оставайтесь на земле, а я небесная, полечу на небо, на свою родину!» Затем добавила: «Весной и осенью, когда лебеди летят к северу и обратно, делайте обряд в честь мою!» [Румянцев, 1962, с. 147–151].

Один из сюжетов этногонического мифа хоринцев начинается с ухода прародителей племени с прародины, расположенной у трех озер на Лене, и прихода на новую родину – южный берег Байкала. Вопрос – что могло явиться причиной, заставившей предков хоринцев покинуть территорию своих охотничьих угодий – основу жизни и деятельности таежных охотников. Миф объясняет эту причину отсутствием детей, семантически – отсутствием развития, которое преодолевается сменой старой территории на новую родину, привычного уклада жизни на новый быт. На наш взгляд, миф повествует о смене традиционного для предков хоринцев охотничье-промыслового типа хозяйства на новый, сочетавшийся с скотоводством. Об этом впрямую сказано в сюжете этого варианта, что по прибытии на южную сторону Байкала, «имея здесь небольшое хозяйство, Хоредой по-прежнему охотился на зверей» [Румянцев, 1962, с. 150]. В других вариантах знаком скотоводства хоринцев является указание на занятие Хоредоя в момент, когда улетает лебедица, – он гнал молочную водку.

По всем приведенным знакам-символам этногонический миф бурят племени хори передает сведения об истории принятия этническими предками – таежными охотниками Приленья календаря солнечного цикла, по которому регламентировалась смена ритма хозяйственной деятельности скотоводов. Сакральная история племени свидетельствует об участии в его этно- и

культурогенезе тюркского этнического компонента со стороны женского начала. Тюркскими культурными истоками объясняется и солярность образа хоринской праматери. В мифологии якутов супруга высшего божества пантеона Айы тойона носит имя Куба хатын или Хубай хатун и явилась их предкам в виде лебедя, олицетворения Солнца [Румянцев, 1962, с. 168].

Календарную семантику имеет указание на место встречи охотника с лебедями на берегу озера. Во всех вариантах хоринского мифа устойчиво сохраняется описание встречи охотника с девами-лебедицами во время их купания. В мифе через данный мотив передана информация о календаре с традицией осеннего Нового года, приуроченного ко дню осеннего равноденствия. У бурят бытует поверье, что в этот день воды всех земных водоемов приобретают чудодейственные свойства и люди с целью исцеления от болезней, укрепления здоровья окунались в источники. В бытовом учете времени буряты эту дату соотносили с периодом гона и спаривания у копытных тайги, с которого у охотничьих народов Сибири начинался длительный осенне-зимний промысловый сезон года.

Вторая важная дата солнечного календаря хоринцев передана через мотив вылета лебедицы из юрты через дымник, в который светило солнце. Это указание символизирует нахождение светила в самой высокой точке небосвода, по времени близко соответствующее дням летнего солнцестояния. К этому астрономическому событию хоринцы приурочивали обряд с кроплением молочной водки (старик Хоредой гнал тарасун). Третья важная дата солнечного календаря хоринцев заключена в словах праматери-лебедицы, обращенных к своей семье, где она дает наказ весной и осенью, когда прилетают и отлетают лебеди, делать обряд в ее честь.

История рода галзут

В отличие от мифологической, летописная история племени хори начинается с ухода Хорилартай-Мергена, женатого на дочери Бархудай-Мергана, владельца Кол-баргучжин-догумского, называемого нойоном племени хоритуматов с берегов Байкала на новую территорию. Из-за нехватки охотничьих угодий на родине, он, выделившись в отдельный *обок* (фамилия, ист. род, племя) [Черемисов, 1951, с. 361] под назвнием хорилар, перекочевывает на р. Онон, к горе Бурхан-Халдун [Сокровенное сказание, 1990, с. 12–13]. В устной истории Хорилартай-Мерген имел трех жен. От первой жены по имени Баргужин-гоа родилась одна дочь Алан-гоа, ставшая прародительницей «золотого рода» монголов борджигин. Сыновья от брака с женой по имени Шаралдай образовали роды галзут, хуасай, гучит, шарайт и кубдут, именуемые как «пятеро рыжих галзутов». От третьей жены Нагатай происходят роды харгана, худай, бодонгут, хальбин (хангин), цаган и батанай, составляющие коалицию южных хоринских родов в Забайкалье.

В «Сокращенной истории 11 хоринских родов», составленной Д. Дугаровым на основе известных бурятских хроник В. Юмсунова (1875 г.) и Ш-Н. Хобитуева (1887 г.), дополненных материалами А. Очирова и С. Ванданова, перед появлением на территории Забайкалья, в конце XVI – начале XVII в., хоринцы в качестве приданого княжны Бальжин-хатан при ее

выходе замуж за Дай-хун-тайджи – сына солонгутского Бубэй-бэйлэ-хана (*бэйлэ* – маньчжурский феодальный титул «князь»), проживали во Внутренней Монголии. Из-за притеснений, причиняемых им со стороны молодой ханши, Дай-хун-тайджи и Бальжин-хатан с подчиненными хоринскими родами бежали в Забайкалье на берега р. Онон и к Кукульбийским горам. По истечении трех лет Бубэй-бэйлэ-хан послал за ними войско, Бальжин-хатан была убита, а Дай-хун-тайджи с хоринцами уведен назад.

В 1600-х гг. часть хоринцев вновь ушла к Кукульбийским горам. Под давлением со стороны проживавших здесь тунгусов, им пришлось переселиться в Еравну к рекам Уда и Селенга. Вследствие того, что из Монголии за беглецами вновь прибыло войско, они бежали еще дальше – на реки Итанца и Кудара, на северную сторону Байкала и остров Ольхон. Спустя почти сотню лет хоринцы вернулись в Забайкалье, а в середине XVII в. приняли подданство Российской империи [Цыдендамбаев, 2001, с. 41, 65].

Летописи свидетельствуют о векторе миграций хоринцев, начиная с раннего средневековья, от северного берега Байкала в регион Восточной Монголии и обратно. В этом процессе северное побережье Байкала представляется исконной племенной территорией, где происходило его формирование. Г. Н. Румянцев, предпринявший специальное исследование происхождения племени хори, возводит их этноним к «фури», «кури», «кули» китайских, персидских и древнетюркских источников и в этой связи считает возможным соотнести с объединением средневековых хоринцев поздние памятники курумчинской культуры [Румянцев, 1962, с. 122], характеризуемой высоким уровнем кузнечного дела.

По мнению бурятского этнолога Д. Д. Нимаева, этнические корни монголоязычного ядра племенного объединения восходят к племенам сяньбийского времени. При этом исследователь допускает, что роды хуасай и хубдут имеют тюркский компонент. Тюркскими представляются и названия ответвлений (бур. *кукур*) байтай и борюха в составе рода кубдут [Нимаев, 1988, с. 107].

Один из старейших бурятских филологов Ц. Б. Цыдендамбаев полагает, что понятие «кукур», известное только у хоринцев, относится к группе, название которой происходит от имен сыновей главы рода, независимо от того, были ли они родными или чужеродными. Непременным было одно условие – любая группа, вошедшая в состав хоринского рода со стороны, считается отдельным кукуром и сохраняет свое прежнее название. Отражением данного правила являются названия разных по этническому происхождению кукуров, входящих в состав рода *галзут*, общим количеством 12. Это: доргоши-галзут, сарбада(нарбада)-галзут, жинхэн-галзут, даганхан-галзут, хабагай-галзут, эршим-галзут, онхот-галзут, дэлдэгыр-галзут, хайтал-галзут, нохой-урук-галзут, шоно-галзут, ользон-галзут [Цыдендамбаев, 2001, с. 66, 67].

Геноним *яһа-галзут* (бур. *яһан* – «отцовский род») позиционирует это подразделение как основу рода *галзут*. Тюркский по происхождению род *онхот* [Галданова, 1995, с. 105] засвидетельствован в источниках XIII–XIV вв. в связи с баргутами, расселенными у Байкала в баргучжин-токуме (*онхот-баргат*). *Хайтал*, *шоно* и *ользон* являются названиями родов,

проживающих и в наше время на Лене и дельте Селенги. Первый из них – пришлый в период халхасско-джунгарских войн из Западной Монголии тюркский род (кайтал – западные тюрки-эфталиты), а два последних – коренные роды бурят племени эхирит.

Отношение галзутов к острову Ольхон как сакральному центру рода находит отражение в названии кукура *сарбата* (*һарбата*)-галзут. По сюжету мифа некто *Хангай* из рода *һа-галзут* в «һарбате», на Ольхоне в местности Намал-Хухунак, где пылал огонь, нашел три главных инструмента кузнеца: молот, наковальню и клещи, посланные с неба *Хан-Гужир-тэнгэри*, и с тех пор стал кузнечить [Жамцарано, 2001, с. 92]. Миф обосновывает избранность ядра рода *галзут*, наделенного кузнечной наследственностью небесного происхождения Богом-кузнецом *Гужир-тэнгэри* на Ольхоне. По его сюжету кукур *сарбата* представляется производным от отцовского рода *галзут* и указывает на отношение этого мифа к коренным галзутам.

Народная этимология возводит родовое название *галзут* к имени старшего сына Хоридоя, но, по мнению Ц. Б. Цыдендамбаева, структурный анализ слова «галзут» показывает, что оно не могло быть собственным именем, это эпитет множества лиц, образованный на основе монгольского языка [Цыдендамбаев, 2001, с. 146]. Что касается происхождения генонима *галзут* от эпитета коня, жеребца (*дааган*), отличающегося «бешеным нравом и быстротой», то эта гипотеза, предложенная Г. Н. Румянцевым [Румянцев, 1962, с. 190], не получила поддержки у последующих исследователей. В бурятской этнографии общепринятым считается мнение Ц. Б. Цыдендамбаева, что геноним имеет собирательное значение и некогда произошел от эпитета тотемного животного *галзуу нохой* «яростная (или бешеная) собака» [Цыдендамбаев, 2001, с. 147]. В этой связи ученый полагает, что начало хоринскому племени положили два рода – *шарайт* и *галзут* с общим культом собаки. Оба генонима даны по эпитетам тотема и, по всей вероятности, являются его табуированными названиями [Там же, с. 164–165].

В пользу указанного положения свидетельствует имя праматери «пяти рыжих яростных (бешеных) галзутов» *Шаралдай*, которое происходит от общемонгольского слова *шара* со значением «рыжий», «желтый» и *галзуу* «бешеный», «яростный», в его семантической привязке к образу собаки. Тотемный культ собаки непосредственно отражен в названии кукура *нохой-урук-галзут*. В свете значения термина *урук /ураг* в бурятском языке как родственник, родня, свойственник (по жене), название кукура *нохой-урук-галзут* в его прямом переводе означает «имеющие родство с собакой по жене». В соответствии с непреложным правилом сопутствия тотема в древнем обществе материнскому роду, истоки культа собаки у кукура *нохой-урук-галзут* в составе хоринского рода *галзут* обосновывает распространенная среди представителей данной группы легенда. Согласно ее сюжету их предок, скитаясь в отдаленных местах на севере, где не было людей, вынужден был сожительствовать с рыжей собакой. Дети, рожденные от этой связи, положили начало роду.

Вариацию ведущих мотивов легенды можно видеть у бурят племени *булагат*, проживающих компактной группой в бассейне левого притока Ангары – р. Унги. По преданию унгинских бурят, на северо-восточной стороне есть собачье царство (*Нохой хани урам*). В этом царстве все мужчины рождаются собаками, а женщины же рождаются людьми. Все женщины в этом царстве постоянно делают обряд призывания душ детей мужского пола в человеческом облике с южной стороны. Унгинские булагаты этими поверьями объясняли обычай, запрещавший в ночное время мужчинам мочиться, обратившись лицом на северо-восток. Представлялось, что нарушение запрета может привести к рождению душ их сыновей у женщин из собачьего царства, по этой причине они останутся без мужского потомства [Хангалов, 1959, с. 220].

Иная, чем у хоринцев Забайкалья, структура рода галзут фиксируется в Прибайкалье. В материалах старейшего бурятского фольклориста С. П. Балдаева род *галзут* насчитывает три отцовских поколения (*эсэгэ*). Это: *нохой-галзут*, *дархан-галзут* и *маншууна-галзут*. Потомки Нохоя живут на Лене, Дархана – на северном берегу Байкала в Ольхонском аймаге и в долине р. Кудара в устье Селенги, а потомки Маншууны – на острове Ольхон. После большого землетрясения на южном берегу Байкала (1862 г.), когда Саганская степь – территория расселения поколения *дархан-галзут* ушла под воду, часть его представителей переселилась в восточные районы Забайкалья – Еравну, Хоринск, Кижингу и др.

Вместе с тем ученым были зафиксированы сюжеты, в которых указываются только два сына – *Нохой* и *Зэнхэн* (*Жэнхэн*) [Балдаев, 1970, с. 301]. Генеалогические мифы, предания и тексты шаманских призываний ленских галзутов – потомков Нохоя и Зэнхэна, в отличие от галзутов Забайкалья, однозначно указывают своей прежней родиной Алтай. Причиной их ухода с тех мест называют войны Галдан Бошокто хана, происходившие в середине XVII в.

В призываниях шаманов подробно описывается маршрут их бегства с родных мест, который проходил по окраине долины р. Катунь (*Хатан-гол*), где они сражались с койбалами (*хайбал*); перейдя с большими страданиями через Саяны и Алтай, поселились сначала на р. Кан, оттуда перешли на р. Оку в Восточных Саянах (*Аха гол*). Вследствие того, что на Оке уже было много беженцев с Алтая, то нохойцы и зэнхэнцы ушли дальше на восток, на Лену, где «подружились с эвенками, сражались с якутами, воевали с цэгэну-тами, перестреливались с хайталами». Информаторы С. П. Балдаева в категоричной форме утверждали, что пришлые с Алтая галзуты ничего общего с галзутами племени *хори* не имеют [Балдаев, 1970, с. 290, 291–292, 296 и др.].

Во всех генеалогических преданиях рода *галзут*, отличающихся друг от друга по именам и количеству предков, стабильно сохраняется группа с этнонимом *нохой* («собака»), и это обстоятельство свидетельствует о монгольских истоках рода. Развитое в прошлом культовое отношение тотемического характера к собаке у монголов и древних монголоязычных народов восточных степей – дунху, ухуань, сяньби, известное по письменным источникам, подтверждают материалы археологии и современной полевой этнографии. В исторической ретроспективе сопоставление собаки с умершим или отдельно

их голов – характерное явление для захоронений хунну, культура которых обладает множеством общностей с культурой ухуань и сяньби [Мэнэс, 1993, с. 32–45].

Кузнечный культ рода галзут

Отношение к собаке желтой масти как родовому тотему устойчиво сохранялось в памяти людей преклонного возраста из поколения *дархан-галзут*, проживавших в с. Кижинга Республики Бурятия. По сообщению Валентины Васильевны Гавриловой (в 1981 г. в возрасте 54 лет), в середине 1950-х гг. ее тетя Гаврилова Сэрэмжэ совершала обряд захоронения своей желтой собаки (*шара нохой*). Прежде чем засыпать собаку землей, бабушка Сэрэмжэ в пасть ей вложила топленое масло, вдоль лба протянула красную нитку, отрубила собаке хвост и поместила его между сложенными вместе передними лапами [ПМА 1, 1981].

В обряде дархан-галзутов красная нить отражает воззрения, соотносящие собаку желтой масти с огнем – знаком кузнечества. Свидетельство связи этой группы с регионом Западной Монголии можно видеть в ойратском обычае. По поверьям ойратов, собака может переродиться человеком, если ей после смерти отрубить хвост как помеху на пути перерождения в человеческом теле. Данными воззрениями объяснялся обычай ойратов отрубать собаке хвост при ее захоронении. У тех же ойратов существовал обычай умерщвления престарелой немощной собаки посредством удушения курдючным жиром, который насильно запихивали ей в пасть. Во всех указанных действиях усматривается отношение к животному как тотемному предку [Эрдэнэболд, 2012, с. 57].

В контексте сюжета генеалогического мифа племени *хори*, увязывающего его этногенез с северным берегом Байкала, а также мифа о получении кузнечной наследственности рода *галзут* на о. Ольхон, особое внимание привлекают параллели в культе собаки желтой масти у галзутов и северных киргизов – этнических потомков енисейских кыргызов. Киргизы, если умирала любимая собака хозяина, то «кусочек жира впихивали ей в пасть» [Солтоноев, 1996, с. 399]. Семантическая связь понятий «собака» и «кузнечество», проявляющаяся в генонимах «дархан-галзут» и «нохой-галзут», в какой-то степени может быть обоснована киргизским мифом о происхождении одного из первоинструментов кузнеца.

По сюжету киргизского мифа, Дуат сказал, что кузнечному мастерству надо учиться у собаки, наблюдая за тем, как она держит кость. По этому совету были сделаны первые щипцы [Сулайманов, 1982, с. 76]. У киргизов, как и бурят Предбайкалья, шаманский пантеон делится на группу белых – добродетельных и черных – зловредных божеств; кузнец, работающий по железу, называется *темир уста* или *кара уста*. У бурят Предбайкалья им соответствуют определения *тумэриши дархан* и *хара дархан*, одинаковы названия наковальни – *дошу*, меха – *коорУк* и др.

Впервые сведения о наличии у киргизов высококачественного железа появляются в китайских источниках танской эпохи. «Ванхуйту» об этом

говорит так: их государство имеет железо небесного дождя, его собирают, чтобы делать ножи и мечи, (оно) отличается от (обычного). ... (оно) отборно и остро». В книге «Сыншу» о железе у кыргызов сообщается: «Обычно производят хорошее железо, называют его цзяша» [Кюннер, 1961, с. 60]. Лексическую общность с названием железа «кяса» (*kjasa*) у енисейских кыргызов имеет бурятское и монгольское *хяна/хяса*, означающее понятия «кузня» и «кузнечный горн».

Этнографические параллели в кузнечном культе бурят и киргизов можно видеть и в одинаково почтительном отношении к кузнецам, инструментам мастера и кузнице как священному месту. Киргизы строение ограждали от посторонних камнями, на крыше вывешивали особый бунчук, оберегали его от женщин, а в дни праздников оставляли на наковальне зажженные на ночь свечи [Сулайманов, 1982, с. 72, 73, 77]. По поверьям киргизов, иногда в кузнице ночью слышали стук молота, шипение меха, говорили, что работает Дуат [Там же, с. 78] – покровитель кузнецов и ювелиров (Доот пайгамбар, или ДоУУт, Дооту, ДоУт (узб.), образ которого появился в Средней Азии с распространением ислама [Сулайманов, 1980, с. 284].

У народов, исповедующих ислам, Дауд почитается как покровитель металлургии и металлических инструментов, его образ соответствует библейскому Давиду [Пиотровский, 1991]. При этом фонетически близко к имени кузнечного божества киргизов звучат названия богов-кузнецов балаганских бурят-булагатов и якутов. По мифу балаганских бурят, первым кузнецом на небе был *Дадага-хара-дархан*, имеющий в подчинении 73 младших кузнеца. Все они вместе спустились на высокие горы Мундарга (Саяны) от Западных тэнгри [Хангалов, 1958, с. 303].

В олонхо якутов «Эр соготох» в записи С. В. Ястремского с теонимом *Дуад/Даут* созвучна корневая основа имени Черного кузнеца *Дуодарба*. Сказители, описывая место нахождения эпического кузнеца якутов, рисуют зримую картину производственного процесса древнего рудокопа, углежога, плавильщика и кузнеца: «...девяносто, как уголь, черными парнями угольщиками, с семьдесятю рослыми черными парнями слесарями, с девяти кузнецов родоначальник, Гибель-Дуодарба Черный-Кузнец...!» [Уткин, 1992, с. 62]. Числа «девяносто», «семьдесят» и «девять», присутствующие в характеристике Черного кузнеца якутов и его помощников, также выступают в качестве числовых кодов кузнечных божеств шаманского пантеона и бурят Предбайкалья.

В продолжение параллелей между кузнечным культом бурятского рода *галзут* и киргизов добавим, что в самом древнем предании киргизов их родоначальником считается красная собака (рыжая). Первоначальное предание (домусульманское) сводится к тому, что после нападения неприятеля в живых остались только ханская дочь и сорок ее служанок, совершавшие в это время прогулку в отдаленной местности в сопровождении одной красной собаки. Потомство этих сорока девушек и собаки составило народ, который по числу своих матерей получил название «кырк кыз» (сорок девушек) [Валиханов, 1996, с. 356–357]. Близкий к киргизскому преданию сюжет имеется в сказках алтайцев о посещении страны, в которой мужьями красивых

женщин были мужчины-собаки (*нохой эртын*) [Абрамзон, 1990, с. 379]. Этот сюжет перекликается с легендой унгинских бурят-булагатов о стране, расположенной на северо-востоке, где все мужчины рождаются собаками.

Параллели, отмеченные в кузнечном культе бурят хоринского рода *галзут* и киргизов, представляют собой не случайные явления, они позволяют говорить об историко-культурной связи галзутов с киргизской средой, игравшей важную роль в этнической истории племен Прибайкалья в домонгольское время. В свете исторической интерпретации эпоса «Манас», сделанной А. Н. Бернштамом, свидетельство связи галзутов с киргизами можно видеть в принадлежности Манаса к роду *сары-ногой* [Абрамзон, 1990, с. 306, 370] (ср. бур. *шара нохой*). Эпохой возникновения киргизского эпоса исследователь считает период максимального политического могущества киргизов – борьбу с уйгурами – середину IX в. [Там же, с. 362, 363]. В результате победы в этой борьбе господство над Монголией перешло к киргизам.

В контексте всех отмеченных параллелей возникает необходимость более внимательного отношения к совпадениям в генеалогических преданиях бурятских родов с генонимом *галзут* и киргизов. Так, в союзе «пяти рыжих яростных (бешеных) галзутов» коренные галзуты с культом желтой собаки составляют *нохой-галзут-урук*, где термин *урук* изначально мог означать понятия «род» и «племя». В таком значении термин функционирует в языках алтайцев и киргизов [Там же, с. 231]. О тюркском происхождении детерминатива (или постпозитива) *урук* Ц. Б. Цыдендамбаев пишет, что он имеет «скорее тюркское, нежели монгольское, происхождение», и высказывает предположение, что «род *нохойрук*», как и другие бурятские роды в Эхирит-Булагатском районе с этим же детерминативом, находился в среде преимущественно тюркских родов [Цыдендамбаев, 2001, с. 25].

Все изложенное позволяет полагать, что роды, объединенные под общим названием «пять рыжих галзутов», могли иметь антропологическую общность с енисейскими кыргызами. У последних названиями двух главных родов были *джеты сары* («семь рыжих») и *алты-сары* («шесть рыжих»), из-за их европеоидного антропологического типа [Аристов, 1996, с. 387]. В истории династии Тан (Тан-шу от 618 до 907 г.) о кыргызах сообщается как о рослых людях с рыжими волосами, румяными лицами и голубыми глазами [Бичурин, 1950, с. 352]. Такую же характеристику китайские источники дают внешности их иноязычных соседей, именуемых по масти коней как *бома* (кит. *бо* – «пегая» и «*ма*» – лошадь). По уровню политической активности, что может свидетельствовать и об их экономическом положении, *бома* не были исключены из жизни прибайкальских племен эпохи енисейских кыргызов. Как свидетельствуют китайские источники, в 650–656 гг. они отправили к танскому двору своих послов с данью. Тюрки туцзюе именуют *бома* – «хэла»; также называют и государство – Хэла [Малявкин, 1996]. Из изложенного следует, что «*бома*» – это экзотоним, а самоназванием народа было «хэла», которое с учетом специфики китайского языка соотносится с названием бурятского племени хори.

Свидетельство правомерности такого предположения можно видеть в локализации изначального расселения бурят рода *шаранут* на левобережье Ангары. В этой связи Б. О. Долгих пишет: «Ряд родов бассейна Унги носит старое родовое название – шарануты, образуя как бы гнездо родственных родов. Но большая часть этих родов нам стала известна по именам их глав и родоначальников, а старое название – шарануты удержал только один не-большой улус» [Долгих, 1960, с. 218]. Это село Шараты в Нукутском районе Иркутской области.

Что касается отрицания общности пришлых с Алтая родов с генонимом *галзут* с хоринскими галзутами, то здесь, по всей вероятности, проявляется процесс расхождения некогда единой этнической общности на две группы с разными векторами направления миграции и последующим длительным периодом проживания на отдаленных друг от друга территориях. Непосредственным свидетельством раннего этнического единства алтайских галзутов с хоринцами является их генеалогический миф. Миф, возводящий изначальную родину галзутов к региону Алтая, гласит, что *Галзут* – отец-основатель рода – был хорошим охотником. Однажды увидел девять летящих лебедей. Далее они спустились на землю и, сняв свои лебяжьи одежды, превратившись в красивых девушек, стали купаться. *Галзут* спрятал одежду одной из них и, как *Хоредой-мэргэн*, женился на девушке-лебедице. От этого союза родились два сына – *Нохой* и *Жэнхэн* (*Зэнхэн*) и дочь *Манишууна*, иногда – третий сын, а в вариантах – две дочери, вышедшие замуж за цэгэнутов (монгольский род).

В Предбайкалье приходят сыновья старика Галзута. Сам же он, согласно одной из версий, погибает на войне Галдан Бошокту хана. Внук Галзута образовал в Баргузине подрод *нохой галзут* [Балдаев, 1970, с. 291, 294, 295]. Вместе с тем информант, названный как «старик Эмэ Босонов» в улусе Алагуй, название которого совпадает с этнонимом эхиритского рода, сообщил Ц. Жамцарано (1903–1907 гг.), что ольхонские галзуты пришли на Лену (*Зулхэ*) с берегов восточного океана, а происходят от собакоподобных людей. Они не хоридоевцы, а другие – *эмунээ*. Буряты из рода *галзут*, или из «собачьего», от происхождения кузнецы – «дархаты». Дархатство передается наследственно. Иначе человек болеет. Они приносят жертву *Галта-Улаан-тэнгэри* из сонма 44 восточных черных тэнгри [Жамцарано, 2001, с. 138].

У информанта в характеристике ольхонских галзутов, по всей вероятности, переплетены исторические события, связанные с бегством хоринцев с территории Внутренней Монголии, и сказочно-мифологические сюжеты о собакоподобных людях, распространенные в Предбайкалье. Такое предположение вытекает из названия юго-восточной стороны света термином, принятым у монголов как «эмунэ» вместо общебурятского «зуун-урда». Отражением этнической общности ольхонских галзутов с хоринцами Забайкалья служит и традиция совершать жертвоприношения их кузнецами *Галта-Улаан-тэнгэри* («Огненно-Красный-тэнгэри»). В шаманском пантеоне агинских бурят-хоринцев на юге Забайкалья это божество – покровитель кузнечного ремесла и кузнецов почитается под именем *Хяһын-Улаан-тэнгэри*

(«Кузнечный-Красный-тэнгэри») [Жамцарано, 2001, с. 138; Бадмаев, 1997, с. 111, 112].

Реальное значение двух разных территорий, сыгравших определенную роль в этнической истории двух групп с одним и тем же генонимом *галзут*, еще недостаточно ясно. С этой целью в тщательном исследовании нуждается этнический облик, присущий только галзутам, прибывшим с Алтая, и который отличал их как в прошлом, так и настоящем от хоринских галзутов Забайкалья. В частности, галзуты с Алтая, в отличие от хоринских галзутов Забайкалья, наделялись белой кузнечной наследственностью. Как пишет С. П. Балдаев, именно они «везде были кузнецами». Старики, руководившие родовыми обрядами своим кузнечным предкам, призывали западных кузнецов – Божинтовых семь братьев:

<i>Дайлан гараһан</i>	С боем вышедшее наше
<i>Дархан удхамнай,</i>	Кузнечное происхождение,
<i>Буялан гараһан</i>	С битвами вышедшее наше
<i>Бурхан удхамнай,</i>	Божественное происхождение,
<i>Божонтойн долоон дархан</i>	Божинтовых семь кузнецов
<i>Алтай гурьбая аrsaар,</i>	Со склонов Алтая,
<i>Арюулан гаралайт,</i>	Можжевательником освящаясь, ушли,
<i>Хухэе гурьбая хушаар,</i>	Со склонов Хухэя (Саян),
<i>Хунишуулан гаралайт,</i>	Кедрачом очищаясь, вышли,
<i>Хадайн нҮрэнэ абажа,</i>	Горную руду взяв,
<i>Хара тогоо шутхалайт,</i>	Черный котел отлили,
<i>Булхан тогоо шутхалайт.</i>	Булханский котел отлили.

(Записано от М. В. Стопова, присутствовавшего на обряде в улусе Заминский Ольхонского аймага в 1904 г.) (Перевод дан с нашими уточнениями. – Н. Д.).

По одной из версий генеалогического мифа галзутов с Алтая, третьим сыном отца – основателя рода, наряду с *нохоем* и *зэнхэном*, называется *дархан*. В связи с данным указанием внимание привлекает отсутствие кукура с генонимом *дархан* в структуре хоринских галзутов, нет его и во втором варианте мифологической генеалогии пришлого с Алтая рода *галзут*. По текстам призываний шаманов группы *дархан-галзут*, расселенной в дельте Селенги совместно с родами ленских, приангарских и идинских бурят Предбайкалья, ее формирование возводится к территории северного берега Байкала. В основе их кузнечного культа указываются ленские божества, почитаемые эхиритами и булагатами как основатели кузнечества и кузнечных родов:

<i>Утхалһан удхамнай,</i>	Изначальная наша родословная,
<i>Унгилаһан гарбалимнай,</i>	Древнее наше происхождение,
<i>ҺҮн буудал бэетэн,</i>	Подобные громовнику,
<i>Тэмээн буудал морьтон,</i>	Небесные всадники,
<i>Боожо Могдо,</i>	Боожо Могдо,

*Богдо Матхаан,
Соогол Тушээ Галзуут,
Далан долоон дархат,
Ерэн юһэн урашуул,
Үндэр дайда нуудалтан,*

*Үргэн Зүлхэ гҮйдэлтэн;
Хухэ Шэбээтын эжэн
Тумэрши ехэ нойон,
Тудэгэшэ ехэ хатан.
Баруун хударшин эжэн
Шэрэмхэни хубуун
Баян,
Хара хушуун нуудал,
Хараус уһан сэлээн...*

Богдо Матхаан,
Соогол Тушээ Галзуут,
Семьдесят семь кузнецов,
Девяносто девять искусников,
Восседающие на горных
вершинах,
Владеющие широкой Леной;
Хозяин Хухэ Шэбээты
Тумэрши ехэ нойон,
Тудэгэшэ ехэ хатан.
Дух-хозяин западной Кудары
Сын Шэрэмхэна
Баян,
Восседающий на черной вершине,
На волнах реки Хараус...

(Запись С. П. Балдаева сделана в 1955 г. от Б. Данилина в с. Бурулус Кабанского района РБ. Автор сообщает, что галзуты живут в Качугском и Ольхонском районах Иркутской области, Кабанском, Байкало-Кударинском и Заиграевском районах Бурятии. Род *галзут* среди калмыков на Волге ничего общего с хоринскими и селенгинскими галзутами не имеет [Балдаев, 1970, с. 301–302]). (Перевод текста призывания наш. – Н. Д.)

На северный берег Байкала как место приобретения галзутами белой кузнечной наследственности указывает сюжет мифа, записанный нами на бурятском языке в с. Кижинга от Валентины Васильевны Гавриловой из родовой группы *дархан-галзут*. (Перевод текста наш. – Н. Д.)

«Было 11 сыновей *Хори*. Один сын ушел на северный берег Байкала и нанялся в батраки. Там женился на дочери хозяина. Соседи стали порицать неравный брак, тогда отец девушки тайно увез молодоженов в тайгу. Муж охотился, жена оставалась дома. Однажды на западной горе при солнце началась гроза с громом. Жена вечером рассказала об этом мужу. Молодой человек пошел на эту гору и на ее вершине нашел каменную наковальню и кузнечные инструменты и стал каждый день кузнечить там. Сородичи жены через несколько лет узнали, где они скрывались, и решили силой разъединить их. Отец жены предупредил молодых. Муж стал готовить защитный панцирь (*хуяк*). Родственники пришли вооруженные. Они спросили молодого человека, кто первым нападет. Молодой человек ответил: я не могу первым поднять на вас руку, начните вы. Сородичи жены открыли стрельбу, но их стрелы до него не доходили. Тогда люди начали его умолять не гневаться, они поняли, что он не простой человек, а спустился с неба (*буудал*). От этой пары и пошел род кузнецов (*дархан уг*). Род кузнецов очень сильный, ему поклоняются многие люди из чужих родов» [ПМА 2, 1981].

Миф однозначно указывает на приобретение хоринским родом *дархан-галзут* кузнечной наследственности от белого бога-громовника в Предбайкалье. Материалы о кузнечных обрядах этого рода, записанные нами летом в

1981 г. в с. Загустай Кижингинского района Республики Бурятия от Ананьева Сэбэк Номноевича 1910 г. р. на бурятском языке, также даны в нашем переводе [ПМА 3, 1981].

Молились духам-предкам своего кузнечного рода (*дархан угтаа*):

*77 дархад, 99 урашуул.
Хоор мунгэн хооргэтэн,
Сайр мунгэн соорготон,
Заанай толгой дурэтэн,
Задын толгой балтатан.
Галзууд омогтой бахишуул*

77 кузнецов, 99 искусников.
С серебристыми мехами,
С бело-серебристыми соплами,
С наковальнями с голову слона,
С молотами с голову дракона.
Все бахиевцы из рода галзут

Угаараа мургэнэбди.

Всем своим сообществом поклоняемся.

*Хариһаа абаһан хатантая,
Ханиширһаан гараһан уриноороо
Мургэнэбди!
Амгалан һайн байхыын тулоо
Мургэнэбди!*

С женами, взятыми со стороны,
От себя рожденными потомками
Поклоняемся!
О спокойной, благополучной жизни
Молимся!

В призывании белых кузнецов на тайлгане поколения *бахи* рода *дархан-галзут* почитаемым божеством выступает громовник *Хайрхан-тэнгэри*:

*Ээ, Хайрахан!
77 дархад,
99 урашуул!
Хоор мунгэн хооргэтэн,
Сайр мунгэн соорготон,
Заанай толгой дурэтэн,
Задын толгой балтатан.
Танда гэжэ залибарнабди!*

Ээ, Хайрхан!
77 кузнецов,
99 искусников!
С бело-серебристыми мехами,
С ярко-серебристыми соплами,
С наковальнями с голову слона,
С молотами с голову дракона.
Призывая вас, молимся!

Заключение

Резюмируя изложенные материалы, характеризующие специфику кузнечного культа отдельных групп рода *галзут* в составе племени *хори*, отметим их общность и различия.

Общим для всех групп этнических подразделений бурят с генонимом *галзут* выступает остров Ольхон как место дарования небесным богом-кузнецом всему роду кузнечных инструментов, соответственно, наделения его кузнечной наследственностью.

Отличия в кузнечном культе отдельных групп в составе рода *галзут* сложились в результате разъединения единого сообщества на две группы с разным вектором миграций. Так, в шаманском пантеоне хоринских галзутов Забайкалья образ бога – покровителя кузнецов – *Хан-Гужир-тэнгэри* напрямую восходит к высшему божеству шаманского пантеона средневековых

монголов *Махагала Дархан Гужир-тэнгэри*. В призывании пришлых с Алтая галзутов, отдельная группа которых под названием *дархан-галзут* в качестве бога-покровителя кузнецов почитает *Хайрхан-тэнгэри* – высшее божество шаманского пантеона эхиритов, имеющего уйгурско-кыргызские истоки. Приобретение своей кузнечной наследственности члены семейно-родового коллектива *бахи* в составе этой группы возводят к семи кузнецам – сыновьям белого бога-кузнеца Божинтоя. Такая традиция сложилась у эхиритов Предбайкалья под влиянием булагатов.

Источники

ПМА 1, ПМА 2 – Полевые материалы автора. Опрос, проведенный в 1981 г., с. Кижинга Республики Бурятия (информант Гаврилова Валентина Васильевна, 1924 г. р.).

ПМА 3 – Полевые материалы автора. Опрос, проведенный в 1981 г., с. Загустай Кижингинского района Республики Бурятия (информант Ананьев Сэбэк Номноевич, 1914 г. р.)

Список литературы

Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Фрунзе : Кыргызстан, 1990. 480 с.

Аристов Н. А. К этнической истории киргизов // Кыргыз: Источники, история, этнография / сост. О. Караев, К. Жусупов. Бишкек : Шам, 1996. С. 370–394.

Бадмаев А. А. Ремесла агинских бурят (к проблеме этнокультурных контактов). Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. 159 с.

Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят. Ч. 1. Булагаты и эхириты. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1970. 363 с.

Бичурин Н. Н. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. Т. 1. 384 с.

Валиханов Ч. О кыргызах // Кыргыз: источники, история, этнография / сост. О. Караев, К. Жусупов. Бишкек : Шам, 1996. С. 345–361.

Галданова Г. Р. Эволюция представлений о тэнгри (по текстам монгольских обрядников) // Средневековая культура Центральной Азии : письменные источники. Улан-Удэ, 1995. С. 94–107.

Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М. : Изд-во АН СССР, 1960. 621 с.

Жамцарано Ц. Путевые дневники 1903–1907 гг. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 382 с.

Кнорозов Ю. В. Этногонические легенды. Общий обзор // Вопросы этнической семиотики. Забытые системы письма. СПб. : Наука, 1999. С. 206–214.

Кюнер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М. ; Л. : Изд-во вост. лит., 1961. 391 с.

Малявкин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии / Кыргыз: источники, история, этнография. Сост. О. Караев, К. Жусупов. Бишкек : Шам, 1996. С. 24–25.

Мэнэс Г. О соотношении одного погребального обряда хунну и дунху в свете археологических и этнографических данных // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Наука, 1993. С. 29–45.

Нимаев Д. Д. Проблемы этногенеза бурят. Новосибирск : Наука, 1988. 169 с.

Пиотровский М. Б. Давид // Мифы народов мира. Энциклопедия / ред. С. А. Токарев. М. : Советская энциклопедия, 1991. Т. 1. С. 354.

Румянцев Г. Н. Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1962. 265 с.

Сокровенное сказание монголов / пер. С. А. Козина. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1990. 318 с.

Солтоноев Б. Из древней истории киргизов // Кыргыз: источники, история, этнография / сост. О. Караев, К. Жусупов. Бишкек : Шам, 1996. С. 395–404.

Сулайманов Э. С. Некоторые имена пиров-покровителей ремесла и домашних промыслов у киргизов // Ономастика Средней Азии. Фрунзе, 1980. Вып. 2. С. 282–289.

Сулайманов Э. С. Традиции обработки металлов у киргизов. Фрунзе : Илим, 1982. 168 с.

Уткин К. Д. Черная металлургия якутов второй половины XIX – начала XX в. Якутск : Якут. кн. изд-во, 1992. 88 с.

Хангалов М. Н. Собрание сочинений. Т. 1. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1958. 551 с.

Хангалов М. Н. Собрание сочинений. Т. 2. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1959. 443 с.

Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ : Респ. тип., 2001. 256 с.

Эрдэнэболд Л. Традиционные верования ойрат-монголов (конец XIX – начало XX в.). Улан-Удэ : Изд-во ИМБТ СО РАН, 2012. 196 с.

On the History of Galzut Blacksmiths Family within the Khori Buryat Tribe

N. B. Dashieva

East Siberian State Institute of Culture, Ulan-Ude, Russian Federation

Abstract. The attitude of the Buryat traditional society toward blacksmithing, which is perceived as hereditary occupation of those chosen by the family deities, presents itself as one of the main authority in solving challenges of ethnogenesis and cultural genesis for certain families within a tribe it belongs to, and for ethnic group in general. Comparative study of the Galzut family, which worships blacksmithing and is a part of Khori Buryat tribe and the Kyrgyz people, has shown the common features: the totemic worship of dogs with red coloring, same attitude toward the blacksmithing, sacredness of the smithy and blacksmithing tools, similarities in worship rituals of the blacksmithing deity and lexical similarity of the blacksmithing terms. The research has also revealed the similarity of the names and functions between deity of Buryat pantheon worshiped by Cis-Baikal shamans as the first celestial blacksmith and the Kyrgyz image of proto-smith. The pantheon of Baikal Buryats classifies the blacksmithing deity as a black and ancient one who taught 73 young blacksmiths the craft, and in epic Yakut tales his image resembles the Black Smith, which combines in his activities the craft of miner, smelter, charcoal burner and blacksmith who produces iron items. The study reveals the ethnic and cultural ties of the Galzut family with the Yenisei Kyrgyz, who played an important role in the ethnic history of the Baikal tribes in the pre-Mongolian period. This commonality was determined by the Caucasoid anthropological similarities of their common ethnic ancestors. The Galzuts, like the Yenisei Kyrgyz, use the same model to design the names of the clans and clan unions, emphasizing the special racial and anthropological features of their members. The Olkhon Island is common to all Buryat ethnic groups with Galzut genonym. The differences in the blacksmithing worship of individual groups within the Galzut genus, who emerged as a result of a single community, divided into 2 groups with different vectors of migrations. One group of the Galzuts from the Cis-Baikal territory migrated to the regions of Southern Altai, Western Mongolia, and the other, in the south-eastern direction to the Eastern Mongolia, the headwaters of the Onon river.

Keywords: family, tribe, blacksmithing, totem, ethnic myths, historical traditions, rituals, ethnogenesis, cultural genesis.

For citation: Dashieva N. B. On the History of Galzut Blacksmiths Clan within the Buryat Tribe Khori. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2018, Vol. 26, pp. 108–124. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2018.26.108> (in Russ.)

References

Abramzon S. M. *Kirgizy i ikh etnogeneticheskie i istoriko-kulturnye svyazi [Kyrgyz people and their ethnogenetic, historical and cultural relations]*. Frunze, Kyrgyzstan Publ., 1990, 480 p. (In Russ.)

Aristov N. A. K etnicheskoi istorii kirgizov [To the ethnic history of the Kyrgyz]. *Kyrgyzy: Istochniki, istoriya, ehtnografiya [Kyrgyz: sources, history, Ethnography]*. Bishkek, 1996, pp. 370–394. (In Russ.)

Badmaev A. A. *Remesla Aginskikh buryat (k probleme etnokulturnykh kontaktov) [Crafts of Agin Buryats (to the problem of ethno-cultural relations)]*. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 1997, 159 p. (In Russ.)

Baldaev S. P. *Rodoslovnye predaniya i legendy buryat [Pedigrees and legends of the Buryat]*. Ulan-Ude, Buryat Book Publ., 1970, Part. 1. Bulagaty i ekhurity [Bulagats and Ekhirits], 363 p. (In Russ.)

Bichurin N. N. *Sobranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena [Collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times]*. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1950, Vol. 1, 384 p. (In Russ.)

Dolgikh B. O. *Rodovoi i plemennoi sostav narodov Sibiri v XVII v. [Tribal and tribal composition of the peoples of Siberia in the 17th century]*. Moscow, AS USSR Publ., 1960, 621 p. (In Russ.)

Erdenebold L. *Traditsionnye verovaniya oirat-mongolov (konets XIX – nachalo XX v.) [Traditional beliefs of the Oirat Mongols (late 19th – early 20th centuries)]*. Ulan-Ude, 2012, 196 p. (In Russ.)

Galdanova G. R. Evolyutsiya predstavlenii o tengri (po tekstam mongolskikh obryadnikov) [Evolution of ideas about Tengri (according to the texts of Mongolian rites)]. *Srednevekovaya kultura Tsentralnoi Azii: pismennye istochniki [Medieval culture of Central Asia: written sources]*. Ulan-Ude, 1995, pp. 94–107. (In Russ.)

Khangelov M. N. *Sobranie sochinenii [Collected works]*. Ulan-Ude, Buryat book Publ., 1958, Vol. 1, 551 p. (In Russ.)

Khangelov M. N. *Sobranie sochinenii [Collected works]*. Ulan-Ude, Buryat book Publ., 1959, Vol. 2, 443 p. (In Russ.)

Knorozov Yu. V. Etnogonicheskie legendy. Obshchii obzor [Ethnogenic legends. General overview]. *Voprosy etnicheskoi semiotiki. Zabytye sistemy pisma [Questions of ethnic semiotics. Forgotten writing systems]*. St. Petersburg, Nauka Publ., 1999, pp. 206–214. (In Russ.)

Kozin S. A. (Transl.). *Sokrovennoe skazanie mongolov [The secret legend of the Mongols]*. Ulan-Ude, Buryat book Publ., 1990, 318 p. (In Russ.)

Kyuner N. V. *Kitaiskie izvestiya o narodakh Yuzhnoi Sibiri, Tsentralnoi Azii i Dalnego Vostoka [Chinese news about the peoples of southern Siberia, Central Asia and the Far East]*. Moscow, Leningrad, Vostochnaya literatura Publ., 1961, 391 p. (In Russ.)

Malyavkin A. G. Tanskie khroniki o gosudarstvakh Tsentralnoi Azii [Tang Chronicles and the history of Central Asia]. *Kyrgyzy: Istochniki, istoriya, ehtnografiya [Kyrgyz: sources, history, Ethnography]*. Bishkek, 1996, pp. 24–25. (In Russ.)

Menes G. O sootnoshenii odnogo pogrebalnogo obryada khunnu i dunkhu v svete arheologicheskikh i etnograficheskikh dannykh [On the correlation of one funeral rite of Hunnu and dunhu in the light of archaeological and ethnographic data]. *Etnicheskaya istoriya narodov Yuzhnoi Sibiri i Tsentralnoi Azii [Ethnic History of the peoples of southern Siberia and Central Asia]*. Novosibirsk, 1993, pp. 29–45. (In Russ.)

Nimaev D. D. *Problemy etnogeneza buryat [The problem of the ethnogenesis of the Buryats]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1988, 169 p. (In Russ.)

Piotrovskii M. David [David]. *Mify narodov mira: entsiklopediya [Myths of the peoples of the world: encyclopedia]*. Moscow, 1991, pp. 354. (In Russ.)

Rumyantsev G. N. *Proiskhozhdenie khorinskikh buryat [The origin of the Khori Buryats]*. Ulan-Ude, Buryat book Publ., 1962, 265 p. (In Russ.)

Soltanoev B. Iz drevnei istorii kirgizov [From the ancient history of the Kyrgyz]. *Kyrgyzy: Istochniki, istoriya, ehtnografiya [Kyrgyz: sources, history, Ethnography]*. Bishkek, 1996, pp. 395–404. (In Russ.)

Sulaimanov E. S. Nekotorye imena pirov pokrovitelei remesla i domashnikh promyslov u kirgizov [Some of the names of peers who were the patrons of handicrafts and home crafts in the Kyrgyz]. *Onomastika Srednei Azii [Onomastics of Central Asia]*. Frunze, 1980, Is. 2, pp. 282–289. (In Russ.)

Sulaimanov E. S. *Traditsii obrabotki metallov u kirgizov [The tradition of metal processing in the Kyrgyz]*. Frunze, Ilim Publ., 1982, 168 p. (In Russ.)

Tsyendambaev Ts. B. *Buryatskie istoricheskie khroniki i rodoslovnye [Buryat historical chronicles and pedigrees]*. Ulan-Ude, Respublikanskaya Tipografiya Publ., 2001, 256 p. (In Russ.)

Utkin K. D. *Chernaya metallurgiya yakutov vtoroi poloviny 19 – nachala 20 vv. [Ferrous metallurgy of the Yakuts of the second half of the 19th-early 20th centuries]*. Yakutsk, Yakut book Publ., 1992, 88 p. (In Russ.)

Valikhanov Ch. O kyrgyzakh [About the Kyrgyz people]. *Kyrgyzy: Istochniki, istoriya, ehtnografiya [Kyrgyz: sources, history, Ethnography]*. Bishkek, 1996, pp. 345–361.

Zhamtsarano C. *Putevye dnevniki 1903–1907 gg. [Travel diaries 1903–1907 years]*. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2001, 382 p. (In Russ.)

Дашиева Надежда Базаржаповна

доктор исторических наук, профессор,
Восточно-Сибирский государственный
институт культуры; Россия, 670031,
Республика Бурятия, г. Улан-Удэ,
ул. Терешковой, 1
e-mail: d210.002.02@yandex.ru

Dashieva Nadezhda Bazarzhapovna

Doctor of Sciences (History), Professor,
East Siberian State Institute of Culture;
1, Tereshkova st., Ulan-Ude, Republic of
Buryatia, Russia, 670031
e-mail: d210.002.02@yandex.ru